

Глава 79. Парк развлечений Ангела 09

Ужин, как всегда, был роскошным. Лу Хуэй почти не трогал основные блюда, зато с удовольствием налёг на десерты. Ему и правда нравилось сладкое, что не укрылось от Мин Чжаолиня и остальных.

Особенно торты — это была его настоящая слабость.

За вечер он съел десяток мини-пирожных разных вкусов и уже с нетерпением ждал утра, чтобы продегустировать остальные.

Надеюсь, на завтрак тоже будут пирожные. — Лу Хуэй мысленно вознёс молитву. — Культ тортов. Вечная слава сладкому.

После ужина окончательно стемнело, но до комендантского часа в отеле оставалось ещё много времени. Лу Хуэй не стал сразу уводить Лю Цинмина с напарником в номер, чтобы ждать нападения, а решил сначала прогуляться по ночному парку.

Как он и предполагал, парк не закрылся с наступлением темноты — включили иллюминацию. Атракционы засияли разноцветными огнями. Свет был ярким, но благодаря удачному подбору оттенков не резал глаза, а лишь завораживал.

Лу Хуэй замер у входа, поднял голову и не двигался. Поэтому подошедшая следом Яо Хаохао невольно спросила:

— Что случилось?

Не меня выражения лица, он спокойно ответил:

— Очень красиво.

Остальные тоже замерли. Мин Чжаолинь повернулся к Лу Хуэю.

Разноцветное сияние ложилось на его лицо, подчёркивая тонкие, почти андрогинные черты и придавая им мистический оттенок. Особенно выделялись две маленькие родинки у внешнего уголка правого глаза. В этот момент они казались безмятежными, но от лица веяло какой-то тревожной, почти зловещей красотой.

Мин Чжаолинь заметил в его взгляде лёгкую грусть. Странно. Он не спрашивал, но прекрасно понимал, о чём жалеет Лу Хуэй. Тот сожалел, что этот парк — ненастоящий.

Все аттракционы, на которых они побывали, превращались в смертельно опасные «мини-игры», а не в обычные развлечения.

Жалеет ли об этом Мин Чжаолинь? Ему было всё равно. Он не знал, как выглядит настоящий парк. Он не только никогда не катался — у него даже нет такого понятия. Но Цзюнь Чаомань был другим.

Поэтому, когда они неспешно бродили по аллеям, сохраняя дистанцию, Мин Чжаолинь тихо, так, чтобы слышал только Лу Хуэй, спросил:

— Если бы это был настоящий парк, на чём бы ты хотел покататься?

— На колесе обозрения. — Лу Хуэй ответил без колебаний. — На нём медленно поднимаешься на высоту и видишь весь ночной парк... А если ещё застанешь фейерверки, говорят, зрелище невероятное.

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— В парках ещё и фейерверки бывают?

— Вообще-то в крупных парках развлечений всегда устраивают фейерверки и ночные парады повозок... — ответил Лу Хуэй. — Но это уже совсем другие парки.

Он усмехнулся:

— Я тоже никогда не видел, как это выглядит. В детстве был слишком мал, да и родители были заняты. А позже... не сложилось.

И кроме того...

Лу Хуэй слегка опустил ресницы:

— Честно говоря, фейерверки меня не так впечатляют. Мне больше интересен парад повозок, и хочется увидеть ночной панорамный вид с самой вершины колеса.

Говоря это, он словно что-то вспомнил и тихо рассмеялся:

— Ещё я слышал поверье, что, если поцеловаться на вершине колеса обозрения, пара будет

вместе всю жизнь.

Мин Чжаолинь: «...»

Видя его недоумение, Лу Хуэй улыбнулся шире:

— Глупые романтические приметы влюблённых. Но Чэ...

То ли ослепительный свет ночного парка, то ли собственная увлечённость темой сбили его с мысли, но он едва не сказал вслух имя «Чэн Фэй». Здравый смысл вовремя напомнил, перед кем он стоит. Встретившись взглядом с невероятно красивым, почти нечеловеческим лицом Мин Чжаолиня, он мгновенно осёкся:

— ...Один мой знакомый.

Лу Хуэй поспешно поправился:

— Он со своей девушкой так делал, когда катался на колесе.

В памяти всплыло, как Инь Цзя рассказывала ему об этом. Она немного смущалась, но всё же подтрунивала над Чэн Фэем, от чего тот краснел до кончиков ушей. Лу Хуэй улыбнулся ещё теплее.

Всё это было исключительно по инициативе Чэн Фэя. У него всегда было очень доброе сердце. Он признавался, что не умеет любить, поэтому усердно этому учился. На свиданиях он буквально следовал советам из интернета. «Три святых места»: океанариум, кинотеатр, колесо обозрения. Он хвастался, что с Инь Цзя объездил все аттракционы в Суйчэне и обошёл все кинотеатры города. Пару раз они прямо на сеансе ловили карманников, что, казалось бы, должно было испортить вечер. Но ни он, ни Инь Цзя не расстраивались — наоборот, приходили в восторг.

...Долгое время Чэн Фэй с Инь Цзя пытались объяснить ему, что такое «нравится» и «любовь», старались вытащить из его замкнутого, иллюзорного мира.

Лу Хуэй понимал это. И знал, что слишком сильно заставлял их волноваться.

Он искренне надеялся, что биологический ребёнок Чэн Фэя и Инь Цзя, тот, что рос у неё в животе, его будущий брат или сестра, не будет таким, как он. Слишком отстранённым.

Мин Чжаолинь смотрел на него, погружённого в воспоминания, и испытывал невыразимое чувство.словно в этот момент «Цзюнь Чаомань» стал особенно далёким и призрачным, будто мыльный пузырь, который исчезнет от одного прикосновения и который невозможно удержать.

Поэтому Мин Чжаолинь протянул руку.

Лу Хуэй слегка опешил, когда тот сжал его ладонь. Мешала одежда — куртка поверх рубашки, — поэтому он не сразу почувствовал тепло пальцев Мин Чжаолиня, лишь ощутил крепкий, уверенный хват.

— ...? — недоумённо выдохнул он.

Убедившись, что может удержать человека, Мин Чжаолинь медленно разжал пальцы:

— Ничего.

Он небрежно вернулся к теме:

— Тот твой друг... у него ведь отец был профессором кафедры китайской филологии?

«Друг, у которого отец профессор...» — эту фразу Лу Хуэй обронил ещё в инстансе [Деревня Цзюаньлоу], а Мин Чжаолинь случайно услышал её, ошиваясь поблизости.

— А. — Лу Хуэй качнул головой. — Нет.

И добавил:

— У человека ведь не может быть только один друг, верно?

Мин Чжаолинь приподнял бровь, совершенно безучастно:

— Правда?

Лу Хуэй: ...Ты отвечаешь очень неискренне.

Даже без воспоминаний о прошлом Мин Чжаолинь прекрасно понимал, что это такое. Услышав это, он лишь едва заметно дёрнул уголком рта.

Больше они не разговаривали и ничего нового в парке не обнаружили. Единственное, что стоило отметить: когда они снова подошли к [Святому Пруду Ангела], то увидели, что из толщи воды бьёт тёплый свет подводных прожекторов. Он просвечивал сквозь воду, подсвечивая Скульптуру Ангела и создавая эффект мерцающей ряби. От этого скульптура казалась невероятно красивой, окутанной невыразимо лиричной, почти нежной атмосферой.

Лу Хуэй стоял неподвижно так долго, что Яо Хаохао с остальными не выдержали и снова спросили, на что он уставился.

— А, просто очень красиво, — протянул Лу Хуэй. — Даже зарисовать захотелось.

Именно в такие моменты он смутно вспоминал, что в детстве у него какое-то время была мечта — стать художником. Именно художником, а не просто живописцем. Тогда ему казалось, что живопись слишком ограничена в средствах выразительности, но в итоге у него не получилось освоить даже её.

Из-за ситуации с Лю Цинмином и Хун Туном группа Лу Хуэя не стала задерживаться в парке и вернулась в отель к половине десятого.

Лу Хуэй отправил Ци Бая и Нянь Пинчу в их номер, а Яо Хаохао пошла к Дин Мяомяо.

— Будьте начеку... Надеюсь, мне не нужно объяснять это, вы же не детсадовцы? — сказал он с улыбкой.

Нянь Пинчу показал знак «окей»:

— Не волнуйтесь, босс, я присмотрю за вашим «братишкой».

Ци Бай называл его «братом» так часто и искренне, словно Лу Хуэй был его кровным родственником. Лу Хуэй уловил это заблуждение, приподнял бровь, но объяснять не стал:

— Спасибо.

Нянь Пинчу отдал честь по-военному, как полагается. Выглядел он и правда эффектно — как один из тех слащавых красавчиков, поэтому, когда шутил, получалось мило. Это напомнило Лу Хуэю одного парня из приюта, и он невольно усмехнулся.

Это заставило Мин Чжаолиня скосить на него взгляд.

Нянь Пинчу оказался меж двух огней: от реакции Лу Хуэя — рай, от взгляда Мин Чжаолиня — ад. По спине пробежали мурашки, холодный пот пропитал одежду, прилипшую к телу, а отельный кондиционер лишь усилил озноб. Поэтому он решил срочно утащить Ци Бая подальше.

Мин Чжаолинь не собирался его преследовать — он и сам не понимал, зачем вообще посмотрел на Нянь Пинчу.

Лю Цинмин с Хун Туном последовали за Лу Хуэем и Мин Чжаолинем в номер 1202. Вообще-то Лу Хуэй хотел ещё погулять на улице, но видел, что Хун Тун слишком напряжён, поэтому решил сначала отвести его в отель. Пусть замкнутое пространство даст ему хоть каплю чувства безопасности.

Попутно Лу Хуэй предупредил Хун Туна:

— Скажу сразу: если решили положиться на нас, то верьте. Не пытайтесь в последний момент пойти своим путём и поймать Ангела, чтобы преподнести его в дар. Если что-то пойдёт не так по вашей вине, я вмешиваться не буду. А если заметим заранее...

Лу Хуэй сжал руку в кулак и кивком указал на Мин Чжаолиня, который стоял у окна. Тот будто смотрел на улицу, а будто — на отражение Лу Хуэя в стекле.

— Вы ведь слышали о репутации Мин Чжаолиня. С ним лучше не связываться.

Если дойдёт до того, что Мин Чжаолинь захочет убить Хун Туна... Лу Хуэй знал, что, скорее всего, не станет вмешиваться. В этом мире, чтобы выбраться живым, нужно учиться быть жестоким.

Упомянутый Мин Чжаолинь слегка повернул голову и равнодушно взглянул на Лю Цинмина и Хун Туна.

Лю Цинмин сглотнул:

— Босс, не волнуйтесь, я буду следовать вашим указаниям.

Хун Тун всё ещё колебался. В этом игровом мире даже перед сильнейшими игроками неизбежно возникают сомнения. Все привыкли ставить свои интересы на первое место. Даже лидеры могли просто использовать их, не заботясь об их жизнях. Но...

Хун Тун взглянул на Лу Хуэя. Этот игрок по имени «Цзюнь Чаомань» был странным. Неизвестно, использовал ли он какую-то способность, но Хун Тун испытывал необъяснимое, слабое чувство доверия. Он заметил это, только когда понял, что неосознанно ходит за ним по пятам.

Хун Тун тихо выдохнул:

— Не волнуйтесь. — Он заставил себя успокоиться, — Я понимаю. Я не настолько глуп, чтобы в такой момент стать пушечным мясом и угробить себя вместе с напарниками.

Лу Хуэй остался доволен. В комнате воцарилась тишина. Он переместился, сел на кровать у

окна и прямо поверх одеяла лёг.

Мин Чжаолинь замерев, взглянул на него и медленно произнёс:

— Это моя кровать.

Почему Лю Цинмин и Хун Тун не сели на твою кровать, а ты ложишься на мою? — вот что подразумевал Мин Чжаолинь.

Лу Хуэй прикрыл глаза, совершенно не собираясь двигаться:

— Не будь таким жадным. Не в первый раз сплю на твоей кровати. Дай полежать, мне нравится местный фэн-шуй.

Мин Чжаолинь: «?»

— Твоя кровать стоит в двух-трёх десятках сантиметров от моей.

— Но эта у окна.

— Ты же сам сказал, что не хочешь спать у окна, потому что это напоминает фильмы ужасов.

— Зато теперь ты стоишь у окна, и мне не страшно. — Лу Хуэй даже не открыл глаз. — Никакой призрак не страшнее тебя.

Мин Чжаолинь: «...»

Он фыркнул, но без особой злости:

— А-Мань, спишь на моей кровати и ещё меня дразнишь?

Он хотел сказать что-то ещё, но впервые не нашёл достойного ответа в словесной перепалке. Особенно глядя на улыбающееся лицо Лу Хуэя. Он знал, что сейчас «Цзюнь Чаомань» улыбается не так, как обычно. Это была не та неприятная усмешка, от которой хотелось ударить его ножом.

Уголок губ Лу Хуэя дрогнул сильнее. И только он собирался что-то ответить, как в дверь внезапно постучали.

Лу Хуэй замер и сел.

Лю Цинмин на мгновение застыл, а затем сам пошёл открывать.

Лучше бы пришли другие люди. Просто сидеть здесь и слушать, как два лидера предаются детским препирательствам, было действительно... ни к чему.

Настолько ни к чему, что Лю Цинмин и Хун Тун только что обменялись взглядами и готовы были провалиться сквозь землю.

За дверью оказался сотрудник отеля. Увидев Лю Цинмина, он слегка опешил, и инстинктивно взглянул на студенческую карту на шее парня:

— ...Здравствуйте, студент.

Он улыбнулся:

— Я ищу студентов Цзюнь Чаоманя и Мин Чжаолия.

Лу Хуэй поднял руку:

— Здесь.

Он жестом подозвал Мин Чжаолия, встал и подошёл. Лю Цинмин молча отступил и Лу Хуэй спросил:

— Что-то случилось?

Сотрудник улыбнулся. В улыбке читалось уважение, но обращение осталось прежним:

— Студент Цзюнь Чаомань, наш босс увидел новую карту парка, которую вы нарисовали, и остался крайне доволен. Поэтому он хочет пригласить вас принять участие в Ангельском Торжестве послезавтра.

Он протянул Лу Хуэю приглашение. Конверт был белым, сургучная печать — тоже. Узор на ней слегка размыт, но по контуру угадывался логотип Университета Ангела. Кроме того, на конверте был скрытый рисунок.

Лу Хуэй покачал конвертом на свету и рассмотрел его — узором оказался всё тот же логотип.

Связь между Парком Развлечений Ангела и Университетом Ангела становилась всё очевиднее.

Лу Хуэй взглянул на сотрудника:

— Спасибо... Это Ангельское Торжество, туда могут попасть только студенты с приглашением?

— Не совсем, — ответил тот. — Просто с ним вы получите особое отношение.

Хм... Особое отношение. Интересно, хорошее оно или плохое.

Лу Хуэй слабо улыбнулся:

— Понятно. Спасибо.

Проводив сотрудника, Лу Хуэй вскрыл конверт. Внутри лежали две маленькие карточки. Белый фон, скрытый узор с силуэтом Ангела. Они идеально подходили к студенческой карте, поэтому Лу Хуэй вставил их внутрь, приложив к обратной стороне так, чтобы они совпали с логотипом.

Такая мелочь в кармане легко теряется, поэтому Мин Чжаолинь тоже последовал его примеру и убрал карточку в карту. Лу Хуэй взглянул на время в телефоне:

— Десять часов.

Отель закрылся.

Лу Хуэй машинально открыл групповой чат в приложении университета и увидел, что в канале «Парк развлечений» число участников сократилось до 181.

Зрачки его слегка сузились, но особого удивления он не выказал:

— Мин Чжаолинь.

Он кивнул на экран:

— Минус восемнадцать человек. Девять групп.

Главное, что он уже заглядывал в чат на обратном пути. Там почти никто не писал. Только Чэн Цзя ещё раз напомнила всем следить за временем. Даже тех, кто отвечал единицей, уже не было. Видимо, после сегодняшнего дня у всех душа ушла в пятки.

А до этого в списке было 199 человек.

Значит... число выживших обновляется ровно в десять вечера? Или тех, кто не вернулся в отель до закрытия, просто исключают из чата?

Лу Хуэй криво усмехнулся:

— Интересно.

Он открыл список участников и пробежался взглядом по именам пропавших:

— Ни Юнъян, Лю Вэйсян, Ли Жубо, Цзи Цунцзе, Фэн Жушань, Дай Юнсинь, Сун Юэбао, Цзян Инься, Ян Хайхун, Линь Жэнь, И Бинцянь, Сунь Пинцян, Бай Ваньжу, Пэн Инли, Тянь Хуэйфан, Цзо Юнсинь, Юй Ливэй, Сун Юйин...□

Лу Хуэй перечислил все восемнадцать имён так быстро и чётко, что Лю Цинмин и Хун Тун остолбенели.

Цзюнь Чаомань... вряд ли говорит наугад? Но такая память... он специально заучивал или у него фотографическая память?

Лю Цинмин не выдержал и спросил вслух.

Лу Хуэй слегка приподнял бровь:

— Не совсем фотографическая. Я просто запомнил.

Под этим «просто» он подразумевал, что один раз прокрутил имена в голове и зафиксировал. Будь он моложе, хватило бы одного взгляда.

Эх. Состарился, деградировал, зато теперь умеет орудовать ножом.

Лу Хуэй небрежно бросил:

— Вы тоже запомните. Потом придётся предупредить остальных.

Почему? Лю Цинмин и Хун Тун и так догадывались. Вдруг встретятся те, кто попытается выдать себя за этих восемнадцать человек.

Авторское послесловие:

Примечание □: Список составлен моим другом Бай Няо для меня. Не знаю, почему при генерации большинство имен получилось из трех иероглифов (закрывает лицо ладонью).

<http://bllate.org/book/12898/1613542>